

Мучительное право — любить...

О своем труде — "Антологии еврейско-русской литературы" — в беседе с Виталием Амурским рассказывает Максим Шраер.

Максим Шраер
Фото Гери Гилберга

В нью-йоркском издательстве *M. E. Sharpe* весной 2007 года вышла в свет двухтомная "Антология еврейско-русской литературы", которая охватывает период от 1801 до 2001 года. Читателю предлагается знакомство со 132 авторами, многие из которых получили мировую известность, но имена некоторых, вероятно, известны, в основном, лишь любителям словесности, специалистам. Огромный труд по сбору материалов для этой антологии проделал замечательный литературовед, писатель и переводчик, профессор русистики и англистики, заведующий кафедрой славянских и восточных языков, содиректор программы по еврейским исследованиям Бостонского колледжа Максим Шраер.

Шраер — автор ряда литературоведческих книг, изданных по-английски и по-русски, среди которых "Мир рассказов Набокова" (1999), "Русский поэт / советский еврей: Наследие Эдуарда Багрицкого" (2000), "Генрих Сапгир: Классик авангарда" (2004, совместно с Давидом Шраером-Петровым), а также сборников стихов и множества литературных публикаций.

В составленной им антологии перу Шраера принадлежит общее монографическое введение, обзоры периодов еврейско-русской литературной истории, вступительные статьи о каждом из представленных авторов, все комментарии, а также переводы произведений более сорока писателей. По этому случаю журналист Международного французского радио, прозаик и поэт, член редакционного совета альманаха "Дерибасовская — Ришельевская" Виталий Амурский попросил М.Д. Шраера ответить на несколько вопросов, которые мы и предлагаем вашему вниманию.

— **Вы родились в Москве в 1967 году, в двадцатилетнем возрасте эмигрировали с родителями в Соединенные Штаты, где смогли добиться больших успехов в разных областях творчества. Разумеется, литературоведение — это творчество особое, тесно связанное с наукой. Анто-**

логии, о которой сейчас идет речь, вы предпослали подзаголовок: "Два века двойного самосознания в прозе и поэзии". Понятие "двойного самосознания" в данном случае, вероятно, оказалось тем, что вы испытали сами. Так что, первым делом, если позволите, — об этом, а следовательно — о том, как и когда сформировался у вас замысел антологии. Как много времени у вас ушло на реализацию этого проекта?

— Вы совершенно правы, что предмет и направленность литературоведческих исследований в существенной мере определяется биографическими, экзистенциальными обстоятельствами, под воздействием которых я формировался как литературовед. В этом смысле, наверное, не случаен тот факт, что начиная свой путь в литературоведении, я идентифицировал себя с судьбой и творчеством Владимира Набокова и исследовал культуру русской эмиграции. Я полагаю, что на подсознательном уровне мое обращение к вопросам еврейско-русского литературного творчества — сначала в книге о великольном, все еще не полностью оцененном литературным истеблишментом одессите Багрицком, а потом уже в самой антологии, — началось еще в детстве в России.

И тут дело не только и не столько в персональной дозе ксенофобии и антисемитизма, испытанной конкретным еврейским мальчиком, потом юношей из семьи отказников. Из одних лишь воспоминаний о травме преследуемых евреев — как и из воспоминаний о противоречивой любви евреев к России — серьезной науки не сделаешь. Тут дело, главным образом, в том парадоксальном состоянии двойственности (и раздвоенности), которое присуще евреям вообще, а особенно евреям в России (как наиболее экстремальном варианте еврейской ашкеназской диаспоры (всего 200 лет — сравните с еврейской историей в Италии, Германии или Польше).

Это двойное самосознание дает еврейско-русским писателям колоссальный созидательный импульс, черпаемый как из глубин религиозного, историко-культурного и этнолингвистического наследия еврейства, так и из переполненных кладовых русского слова. Я стал обо всем этом задумываться еще восемнадцатилетним московским юношей, начинавшим писать стихи и мечтавшим одновременно о жизни в медицине (не довелось!) и литературе (эмиграция открыла для меня этот путь). И конечно же, мои представления отчасти складывались под влиянием моего отца и учителя в поэзии Давида Шраера-Петрова, творчество которого обращено к проблематике отношений евреев и русских.

Замысел же самой "Антологии еврейско-русской литературы" явился мне примерно в 1999 году, когда я заканчивал книгу о Багрицком — о ев-

рейском самосознании в ранние советские годы и демонизации Багрицкого русскими ультранационалистами. В общей сложности я работал над антологией почти восемь лет. За эти годы многое изменилось в моей жизни, и прежде всего, я стал мужем и отцом. (И даже побывал в Рио-де-Жанейро, воплотив месту Остапа Бендера.)

В процессе подготовки и отбора материалов я прочитал множество произведений, написанных по-русски 300 авторами, и отобрал прозу и стихи 132 авторов. Порой отбор был чрезвычайно труден, мучителен. Я люблю все вошедшие в антологию тексты — в разной степени, но люблю. В антологии два тома (1801-1953; 1953-2001) и следующие разделы: "Начало", "Приобретая голос: 1840-1881"; "Первое цветение: 1881-1902"; "Накануне: 1902-1917"; "Революция и поражение: 1917-1939"; "Эмиграции: 1917-1967"; "Война и террор: 1939-1953"; "Оттепель: 1953-1964"; "Поздняя советская империя: 1964-1991"; "Еврейский исход: 1967-2001"; "В постсоветское время: 1991-2001".

Как специалист в области еврейской культуры я начинал этот многолетний проект в надежде проследить поведение множества разнообразных текстов и сформулировать "еврейскую поэтику". Но при этом как литературовед-компаративист общего профиля я испытывал определенную долю скепсиса по отношению к возможности того, что вселенские, универсальные законы творчества по-разному проявляются у представителей различных этнических, национальных и религиозных групп.

Моя рабочая гипотеза основывалась на трех посылах. Во-первых, на разных стадиях еврейско-русские писатели проявляли разные типы двойственности. Во-вторых, еврейско-русские писатели по своей природе двукультурны. В-третьих, любой неинклюзивный и редуктивный подход может привести в двойному насилию над культурой.

Именно поэтому в ходе работы над антологией я избегал предварительных и скороспелых заключений о каноне еврейско-русской литературы. Отбираемые материалы сами постепенно подсказывали критический подход к авторам. Результаты — в предлагаемой вниманию читателя антологии, выход которой — самое важное событие моей профессиональной судьбы.

— **Перед тем как задать следующий вопрос по этой работе, я хотел бы спросить: в чем именно повлиял на вас как на литератора ваш отец, которого я очень люблю и уважаю как прекрасного писателя и человека?.. Впрочем, наверное, непросто провести грань между влиянием творческим и человеческим, тем более, когда были пережиты страшные времена "отказа"...**

— Коль скоро речь зашла о моей семье, позвольте несколько слов сказать сначала о моей маме Эмили Шраер (Поляк). Она талантливый филолог-англист и переводчик, человек безукоризненного вкуса, и именно маме я обязан раннему погружению в английскую речь. Под влиянием мамы, которая у нас в семье была и остается "западницей", я еще в детстве стал задумываться о возможности одновременного, параллельного существования в двух языковых измерениях. Уроки английского, усвоенные в детстве, помогли мне стать билингвой, а значит, и самым прямым образом повлияли на качество переводов в "Антологии еврейско-русской литературы".

Теперь об отце. Мой отец, писатель и ученый-медик Давид Шраер-Петров, был для меня в детстве и отрочестве главным источником еврейской духовности. Он в детстве — еще до войны и эвакуации и сразу после войны — застал живую еврейскую жизнь наших предков, которые вывезли из бывшей черты оседлости (из Подолии и Литвы) в ленинградскую эмиграцию иудейские традиции, идиш и память о прошлом. Отец еще до войны застал своего деда со стороны матери, благословенной памяти раввина Вульфа Брейдо, который происходил из династии раввинов-литваков Брейдо (Бройде), — он погиб в Шоа, отказавшись покинуть дом и священные книги.

Я подчеркиваю тот факт, что в 1970-е и ранние 1980-е мой отец был для меня связующим звеном между тысячелетиями еврейского прошлого и нашим акультурированным московским еврейским настоящим. Именно из неподцензурных стихов и прозы моего отца о еврействе — а мне не раз посчастливилось быть их первым слушателем и читателем — я, наверное, впервые извлек вот эту самую двойственность и раздвоенность. Отец выразил эту трагедию еврейско-русского творческого сознания в известном стихотворении "Моя славянская душа в еврейской упаковке...", за которое в СССР он подвергся остракизму. Потом уже, в годы отказа, я прочитал в рукописи эпический роман-дилогию отца "Герберт и Нэлли" о судьбе еврейского исхода из СССР, которая уже два раза переиздавалась в постсоветской России.

Родители воспитали меня как еврея и как русского, и даже в тяжелейшие годы отказа, годы преследований, угроз, запретов и изоляции, я никогда не слышал дома коллективных проклятий в адрес преследователей моих родителей и страны, которая породила этих преследователей.

Я уже упомянул, что отец был моим учителем в поэзии. Но уроки в литературе — это еще и уроки общения с живыми литераторами. Мне очень повезло, что до того как мы попали в отказ и до исключения моего отца из Союза писателей, в 1970-е, отец часто водил меня в Дом литераторов, ЦДЛ, где я на-

блюдал со стороны, как набоковский мальчик в берлинском пивном зале, московскую писательскую тусовку. То, что видишь в детстве, часто запоминается на всю жизнь — и я запомнил лица, портреты, ремарки многих писателей.

Из друзей отца на меня, несомненно, повлияло общение в Евгением Рейном и Генрихом Сапгиром, которые тогда уже были знамениты, но все еще ходили в официально непризнанных "взрослых" поэтах. Замечательного Сапгира уже нет с нами, а Рейн сильно изменился с тех пор, как стал лауреатом и официальным поэтом. Но ведь самое главное для еврея — память. Поэтому мне очень приятно, что в антологию вошли стихи этих поэтов — "В последний раз" Рейна и большая подборка иудейских пост-модернистских псалмов Сапгира.

— **Спасибо за этот рассказ, который приоткрывает важные моменты в вашей судьбе. Вернемся, впрочем, к центральной теме. Среди тех, кто фигурирует в антологии, далеко не все показывали, проявляли свое еврейство. Я имею в виду — в творчестве. Насколько я понимаю, для вас важно было все-таки происхождение того или иного автора?**

— Два главных критерия, достаточный и необходимый, определяли выбор вошедших в антологию текстов. Прежде всего, что касается происхождения и самоидентификации автора, достаточно того, чтобы данный автор был евреем или согласно Халахическим представлениям (т. е. согласно иудейским законам), или в соответствии с теми представлениями или принципами, согласно которым еврейство было юридически определено или понималось в Российской империи, СССР и республиках бывшего СССР, а также в других странах проживания автора, как при жизни, так и после смерти.

Факт перехода автора из иудаизма в другие религии сам по себе не дисквалифицировал этого автора от включения в антологию и в канон еврейско-русской литературы. В то же время, факт еврейского рождения и происхождения сам по себе не гарантировал включения данного автора в антологию и в канон еврейско-русской литературы, каким бы важным ни было место автора в русской литературной традиции. Здесь начинал действовать необходимый критерий: ангажированность еврейских предметов, тем, вопросов, проблем и так далее в творчестве. Для авторов, в произведениях которых нет существенного, значительного проявления критерия еврейской ангажированности, врата еврейско-русского литературного рая, пожалуй, закрыты.

Добавлю только в качестве пояснения, что в литературных текстах проявление еврейскости бывает разное, и вовсе не только на уровне тематики и повествования. Разумеется, когда поэт-имажинист Марк Ройзман пишет по-

русски в Москве в ранние 1920-е яркие экспериментальные иудейские стихи (см. его замечательный цикл "Кол Нидре" — на иврите это означает "Все обеты", начало вечерней службы Судного дня) и печатает его в сборнике "Хевронское вино" (1923), то всем читателям, а не только причастным к еврейской цивилизации, очевидна тематика и словесная ориентация этих стихов.

Сложнее дело обстоит с текстами, где еврейскость зашифрована, закодирована, проявлена не напрямую. В антологии я оперирую термином "текстура еврейства". Мы еще не научились измерять все показатели, все параметры литературных текстов точными научными методами. Важно понимать, что "еврейскость" стихотворения, поэмы, рассказа, романа или эссе не только в тематике, риторике или идеологической направленности, а в еврейских интонациях, полутонах, модуляциях, которые зачастую воспринимаются лишь еврейскими читателями. Тут чистейший эксперимент — хороший перевод на иностранный язык, а в моей антологии почти 90% текстов публикуются в новых, специально заказанных и тщательно выверенных английских переводах. Трудно переоценить вклад переводчиков в популяризацию еврейско-русской литературы на Западе.

— Вероятно, работая над своим двухтомником, который в целом составил 1278 страниц, вы могли отметить некие общие черты, знаки, приметы, которые могли бы дать более отчетливое представление о специфике еврейской прозы и поэзии?

— Очень трудно вкратце ответить на этот вопрос, а большинство ответов не в умозрительных построениях критика и историка литературы, а в самих еврейско-русских текстах, в их формальном и смысловом многообразии. Но нельзя не отметить, вслед за покойным Шимоном Маркишем, столько сделавшим для изучения еврейско-русской литературы, ее принадлежность одновременно двум культурам или цивилизациям.

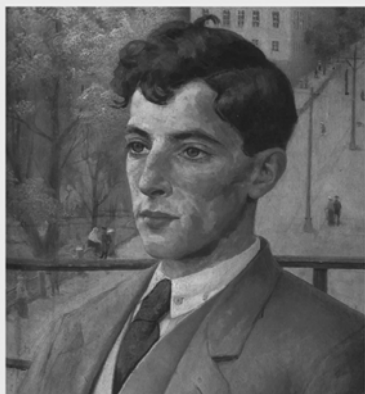
Кроме того, неотъемлемой чертой этих текстов мне кажется память о многовековой библейской и талмудической культуре, нередко выраженная в завуалированной форме, но, тем не менее, присущая страницам еврейско-русской литературы. Кроме того, отметим взгляд авторов, который направлен извне и изнутри одновременно, а также интерес авторов и их героев-представителей к острейшим, нередко запретным вопросам истории и идеологии (векторы еврейского патриотизма, смешанный брак, религиозное отступничество, евреи и радикализм и многие другие вопросы).

И наконец, нельзя не коснуться двойственной модели прочтения этих текстов. Возьмем пример из Исаака Бабеля, классический по своей ясности и простоте. Американский исследователь Морис Фридберг в свое время за-

An Anthology of Jewish-Russian Literature

Volume 1: 1801–1953

Two Centuries of Dual Identity in Prose and Poetry

Maxim D. Shrayer, Editor

метил, что в имени "Арье-Лейб" читатель, знакомый с элементами еврейской цивилизации, обнаружит намеренную тавтологию. "Арье" — "лев" на иврите, а "Лейб" — "лев" на идиш. Бабелевского колоритного персонажа в позднем рассказе "Конец богадельни", по сути, зовут Лев-Лев, т. е. вдвойне "лев". Этот пример иллюстрирует двойное и раздвоенное прочтение этого еврейского-русского рассказа, действие которого происходит в Одессе. Читательская аудитория, которую можно условно назвать "русской", вряд ли обратит внимание на эту деталь, хотя по-своему сможет оценить художественный замысел рассказа Бабеля. Представители же "еврейской" читательской аудитории, скорее всего,

поймут, что имя "Арье-Лейб" — имя администратора богадельни — отмечено двойной бабелевской иронией. Ведь, по сути, это рассказ об исчезновении еврейской дореволюционной Одессы в водовороте советского времени.

— **Нельзя не обратить внимание на то, что из 132 авторов антологии более двадцати из Одессы. Удивительно, как щедро одарила судьба этот южный город таким числом мастеров слова! Интересно, среди них есть ли у вас любимые?**

— Если хотя бы отчасти правомерен афоризм, что русская литература вышла из гоголевской шинели, то не самым большим преувеличением будет наблюдение, что еврейско-русская литература вышла из Одессы. В 1860-е годы Одесса была центром Хаскалы в России, и именно в Одессе был основано первое еврейское периодическое издание на русском языке, "Рассвет", просуществовавшее один год. За ним последовали еще два краткосрочных, но колоссально важных для истории еврейско-русской культуры одесских периодических издания, "Сион" (1861) и "День" (1869-1871).

Я счастлив, что в антологию вошли произведения еврейско-русских писателей, родившихся или выросших в Одессе, или живших в Одессе в течение длительных и плодотворных периодов своего творчества. В первом томе антологии это (в хронологическом порядке): Осип Рабинович,

Бен-Ами, Давид Айзман, Семен Юшкевич, Владимир Жаботинский, Саша Черный, Исаак Бабель, Вера Инбер, Марк Тарловский, Виктор Финк, Семен Кирсанов, Эдуард Багрицкий, Илья Ильф (и Евгений Петров), Аркадий Штейнберг, София Прегель и Маргарита Алигер. Во втором томе одесситов меньше, но это прекрасные писатели: Семен Липкин, Лев Мак, Аркадий Львов, Руфь Зернова и Михаил Жванецкий.

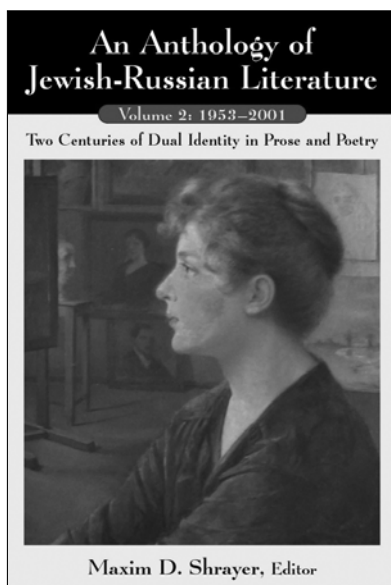
Кроме "Происхождения" и "Февраля" Багрицкого и двух рассказов Бабеля ("Пробуждение" и "Сын рабби") из вошедших в антологию текстов писателей-одесситов мне особенно дороги "Земляки" Айзмана, "Памяти Герцля" Жаботинского, "Соловей и Роза" Инбер, "Буква "Р" Кирсанова и "Я видел море Черное во сне..." Штейнберга.

Без Одессы просто невозможно представить себе карту еврейско-русского литературного мира.

— **Кстати, в Одессе вам приходилось бывать?**

— Нет, пока не довелось, к большому сожалению. Хотя мне иногда кажется, что я сам из Одессы, — прежде всего, из-за многолетнего вчитывания в тексты Бабеля и Багрицкого (особенно в поэму "Февраль", которую я перевел на английский, и очень важные для меня лично "автобиографические" рассказы Бабеля, среди которых "Пробуждение" — в нем почти каждый еврейско-русский писатель узнает те или иные тревожения своей литературной юности).

Сколько раз я показывал своим студентам фотографии Одессы и знаменитую эйзенштейновскую сцену с Потемкинской лестницей! Я не раз слышал от одесситов, от писателей из Одессы (например, от Аркадия Львова, рассказ которого "Последний раввин" представлен в антологии), об их не уходящей ностальгии по родному городу. В Одессе, кстати сказать, у нас (Шраеров) до войны были родные. Из Одессы в 1924 году уплыл на пароходе в Яффу брат моего деда, Моисей Шраер (Шарир). Все пути ведут меня в Одессу. Некоторое время назад, после выхода моей кни-

ги о Багрицком (первой на Западе), у меня завязались контакты с коллегами из Одесского литературного музея. Надеюсь, что в ближайшие годы наконец-то осуществится мечта увидеть Одессу, постоять в Практической гавани вместе с моими женой и дочкой — там, где когда-то стояли Бабель, Багрицкий и другие неповторимые одесские таланты и всматривались в черноморские дали.

— **Нередко приходится слышать, что в творческом отношении евреи особо талантливы как музыканты и художники. Собранная вами антология в известном смысле доказывает и то, что в литературе дело обстояло и обстоит не хуже. Но нужно ли вообще выделять это? Важно ли для читателя знать, скажем, что Мандельштам и Пастернак были евреи? Они изначально — кровная часть литературы русской...**

— Я думаю, что в выражении "кровная" заключена горькая ирония. И часто, слишком часто, отводя еврейско-русским писателям то или иное место в пантеоне великой русской литературы, критики и читатели с готовностью забывают о формообразующих аспектах происхождения этих писателей и об их двойном самосознании. В руссоцентристской презентации фактов литературной истории писатели вступают в сельский ландшафт или городской пейзаж русской литературы евреями, так сказать, по случайности, но становятся и остаются русскими писателями.

На самом деле, перестать быть евреем (а в творческом сознании такого рода психоэстетические процессы гипертрофированы!) — евреем в культуре — невозможно, даже если этого страстно желать, как желал этого Борис Пастернак. Поэтому в работе над антологией я исходил из убеждения, что читателю важно знать правду — как о читаемых и любимых им произведениях, так и об их авторах. Только узнав правду и попытавшись разобраться в перипетиях еврейско-русского творчества, каждый читатель для себя по-своему решит, что принимать во внимание, а от чего отмахнуться. В советское время по отношению к проявлениям еврейства бытовало выражение "не выпячивайте пятый пункт". Но как можно умалчивать ключевые факты происхождения писателей и их текстов? Особенно в наше, постсоветское время?

Владислав Ходасевич, сын воспитанной в католичестве еврейки и поляка, писал в программном стихотворении "Не матерью, но тульской крестьянкой...", вошедшем в первый том антологии наряду с "Вечером", "Слезами Рахили" и "Я родился в Москве. Я дымы...": "И вот Россия, "громкая держава", / Ее сосцы губами теребя, / Я высосал мучительное право / Тебя любить и проклинать тебя". Здесь речь идет о многом, прежде всего,

о месте инородцев по происхождению в русской культуре и об их праве держать дистанцию чужака между собой и русским большинством. Так вот, мне кажется, что и я как составитель этой антологии "высосал" право не оставлять за кормой еврейскость писателей, прославивших русскую литературу далеко за пределами российских земель.

Вырвать Мандельштама из "хаоса иудейского", как этого желал ультранационалист Станислав Куняев, так же невозможно, как невозможно просто читать Мандельштама, забывая о том (или закрывая глаза на то), что Мандельштам пытался своими текстами и своей литературной судьбой примирить иудейство и эллинство, а также стыд за своих местечковых евреев и гордость за своих библейских предков. И при этом стремился все это исторически осмыслить в контексте освобождения российского еврейства и еврейского (временного) опьянения революцией.

В случае Пастернака исключать еврейство не менее бессмысленно. Тема еврейского апостатства и невозможности полной ассимиляции красной лентой пронизывает творчество Пастернака. Вспомним "Апеллесову черту", "Повесть" и "Спекторского". Кстати, в "Антологию" включены два малоизвестные стихотворения 1944 года, в которых фигурирует Одесса — город предков Пастернака, в котором он бывал в детстве и юности. Эти два стихотворения, "В низовьях" и "Одесса", были опубликованы в газете "Красный флот", причем "Одесса" — 12 апреля 1944 года, через два дня после освобождения города.

"В низовьях" — реквием по погибшей и уничтоженной довоенной одесской культуре, по юго-западной школе; в этом стихотворении Пастернака слышны отголоски "Юго-Запада" Багрицкого. "Одесса" — вымученное и потому особенно трагическое обещание Пастернака построить "вечный памятник" жертвам нацистской и румынской оккупации, десяткам тысяч убиенных евреев Одессы и Транснистрии. "Памятником" Пастернака, в его собственных глазах и в глазах миллионов читателей, стал написанный уже после Шоа (еврейской Катастрофы) роман "Доктор Живаго", с его чудовищным призывом к евреям: "Не называйтесь, как раньше. Не сбивайтесь в кучу, разойдитесь. Будьте со всеми".

Можно ли после этого игнорировать иудейство и еврейство этих и других писателей, пусть даже не творивших на еврейских языках?

— **В то время когда вы работали над антологией, охватывающей два века еврейско-русской литературы, в России вышла книга о двух веках еврейско-русского "соседства", написанная Солженицыным. Разумеется, у каждого труда — свой вектор. Но все-таки странно, горько, что**

в России, где, казалось бы, должны были научиться извлекать уроки из истории, отказаться от подлых антисемитских догм, многое остается по-прежнему... Что вы об этом думаете?

— Антология вышла в свет относительно недавно. За это время я услышал много разных отзывов, среди которых отмечу два. Несколько американских евреев употребили термин "мацева" (еврейский надгробный камень) по отношению к антологии. Это примечательно. С другой стороны, не только вы, Виталий, но и другие литераторы-эмигранты называют мою антологию "ответ Солженицыну".

Я, честно говоря, не думал ни о еврейских надгробиях, ни об ответах Солженицыну, когда работал над антологией. А думал я о том, что трудно, невозможно представить русскую литературу без евреев. Но представить будущее еврейско-русской литературы тоже нелегко. Пожалуй, в республиках бывшего СССР отсутствует критическая масса населения, необходимая для продолжения этой литературы.

Конечно же, не только в России и Украине, но и в Израиле, Германии, США и Канаде плодотворно работают еврейско-русские писатели. Но я говорю о будущем, скажем, о том, что будет через 50 лет. Следующий шаг (и это уже происходит) — творчество выходцев из СССР на иврите, английском, немецком. Я и сам, признаться вам, как прозаик перешел на английский. Осенью выходит моя мемуарно-беллетристическая книга "В ожидании Америки: История эмиграции", о трех месяцах в жизни еврейской семьи, проведенных в Австрии и Италии летом 1987 года. Книга написана по-английски, но в ней, как мне кажется, запечатлено наследие еврейско-русской литературы, и прежде всего, дорогого мне Бабеля.

Тем не менее, несмотря на не самые радужные прогнозы будущего еврейско-русской литературы, мне бы очень не хотелось, чтобы с годами моя антология все больше и больше походила на некрополь. Именно поэтому я очень надеюсь, что "Антология еврейско-русской литературы" выйдет по-русски и станет доступна русскоязычным читателям во всем мире.

Париж — Бостон

В оформлении 1-го тома антологии использована работа Иегуды Пэна (1854-1937) "Портрет неизвестного", 1917 г., хранящаяся в Национальном художественном музее Белоруссии в Минске, а на обложке тома 2-го воспроизведен его же холст "Портрет Елены Кабишер-Якерсон" из коллекции Витебского областного музея.